

поэзию по части художественности. Используя свои средства, показать глубину этого понятия. И здесь язык, хотя тоже очень важен, он все-таки вторичен по сравнению с уровнем мышления. То есть образность мышления вторична по сравнению с его глубиной.

6. Пять онтологических доводов

Они были уже изложены. Русская идея, рожденная сознанием и духом, относится к идеальной реальности. Соответственно, изучать ее должна субъективная онтология. Потому что мы забываем, что помимо объективной действительности, материального мира существует еще и духовно-реальный. Он тоже является одним из видов бытия. В этом отношении русская идея, безусловно, имеет свою онтологию. Другое важное замечание – это понимание того, что мы имеем дело именно с идеей, а идеи – это специфические духовные образования, отличные от научных понятий, политических образов и так далее. У них есть свое направление, своя вдохновляющая сила. Как раз философия и есть та наука, которая творит и порождает идеи. То есть задача философа и главное отличие философа от преподавателя философии заключается в том, что философ порождает идеи. Это тоже очень важно для онтологии русской идеи, потому что специфику идей надо понимать, понимать отличие идеи от понятий, от ценностей. Третье основание – это когда мы говорим об идеях, причем не только о русской идее, следует понимать, что здесь невозможно обойтись без исторических и культурных определений. Все идеи рождаются в определенное время, и даже если идея переживает время своего рождения, она обрастает новыми смыслами и нюансами. Поэтому онтология всех идей коренится в истории культуры. Поэтому невозможно заниматься онтологией русской идеи, не исследуя историю, культуру нашего народа, России в целом.

7. Могли бы Вы соотнести по онтологическому статусу русскую идею, американскую мечту, китайский путь и др.?

У них один и тот же онтологический статус. Это идеи, претендующие на выражение духовной сущности своих миров. Здесь забыта еще одна интересная идея, взятая их истории. Откуда вообще возникли понятия «американский мир», «русский мир»? Это явно сделано под воздействием понятия «римский мир». Вячеслав Иванов соотносит идею русского мира с идеей римского мира. Если идея римского мира – это идея Порядка, то идея русского мира – это идея Права. Так, американец скажет, что идея американского мира – это идея Свободы. Понятия этих идей одноуровневые.

Доклад 5.

Мир как субъект русской цивилизации

Евгений Андреевич Балакин

Поэт, режиссер, член Евразийского союза молодежи.

Сама идея объединить людей с разными профессиями (не все здесь философы, допустим, я нет), людей с разными взглядами, потому что в философии множество школ, множество точек входа в философию, сама идея их объединить и попробовать на основе их мыслей вывести некоторый синтез, прийти к некоторому единому знаменателю – идея очень благородная, похвальная, масштабная и идея почти нереализуемая. Вот почему мы находимся в таких условиях – ведь я хочу подчеркнуть, что, если бы собрались представители другой культуры, другой цивилизации, вероятно, они смогли бы прийти к консенсусу. Но, как говорится, «два русских – три мнения». Это не значит, что мы никогда не приходим к консенсусу. Но это значит, что консенсус для нас сложен и имеет некоторые специфические условия. Почему так? Вот на этот вопрос я хотел бы ответить или попытаться ответить в своем выступлении.

Тема, которую я избрал, говоря об онтологии, о русской онтологии, – «Мир как субъект русской цивилизации». И мы попробуем пошагово рассмотреть все заявленные здесь понятия. Ну с понятием «субъект», думаю, вопросов нет, оно самое распространенное. Субъект – тот, кто действует, кто движет, некоторая движущая сила, волевое начало. С волевым началом у русских все в порядке, если мы посмотрим на нашу историю, на нашу культуру, на наши границы в конце концов, на смелость решений, которые мы предлагали. С субъектностью у русских либо все в порядке, либо проблемы не такие критичные, как у остальных: многие народы сошли со сцены за тысячу лет, пока мы стоим и процветаем. Вместе с тем хотелось бы остановиться на понятии «цивилизация». Вот когда мы пытаемся описать Россию, мы сталкиваемся со сложнейшей задачей, нам требуется ка-

кая-то описательная модель. Какую бы модель мы ни взяли, мы неизбежно что-то упустим, это надо признать. Но, на мой взгляд, самая продуктивная модель, которая объясняет больше, чем остальные, это так называемый цивилизационный подход.

Что провозглашает цивилизационный подход? Он говорит, что мир состоит из нескольких самостоятельных, прекрасных и, что самое важное, не сводимых друг к другу цивилизаций. Цивилизаций выделяют разное количество. Но, так или иначе, в количестве этих цивилизаций Россия попадает. Каковы критерии цивилизации? Мне кажется, чтобы говорить об этом, требуется какая-то отдельная беседа. Скажем лишь, что цивилизационный подход провозглашает множественность начал в мире. То есть, если мы посмотрим на подход западнцентрический, он говорит о том, что есть некоторая романо-германская культура, эта культура лучше, чем остальные. Либо она вообще единственная, все остальное – это варварство, либо есть где-то проблески культуры, но в целом надо идти по заданному романо-германской или позже англо-саксонской Европой пути. Вот по этому пути надо следовать. Цивилизационный подход говорит о том, что, да, есть и такой путь, но есть путь и индийский, китайский, в конце концов русский, о чем мы и хотим говорить. Цивилизационный подход подходит, простите за тавтологию, нам, русским, больше, чем какая-нибудь другая описательная модель, хотя бы потому, что мы, русские, его и формируем. Впервые идея рассмотреть мир как некоторую сложную диалектику цивилизаций появляется у Хомякова, он говорит о двух типах цивилизаций. Позднее цивилизационный подход развивается как оформленное учение в трудах Данилевского и Леонтьева. И всегда с точки зрения этого подхода Россия является цивилизацией.

Если мы это утверждаем, что мы говорим? Мы говорим, во-первых, что мы не Европа, а это уже болезненная точка для наших интеллектуалов, ведь влияние Западной Европы на нас очень сильно, в одежде, в культуре, мы принадлежим к одной группе языков – индоевропейской. Правда, говоря о языках, мы должны и Иран включить в некоторую Европу тогда, потому что это та же группа языков, но Иран – это где-то далеко, там живут какие-то непонятные варвары, с точки зрения европейцев, и до сих пор Иран не включается. Вот с Россией есть проблемы вроде как. Европейцы нас не считают своими, значительная часть наших интеллектуалов считает себя европейцами, отсюда конфликт. Мы как бы напрашиваемся в гости к тем, кто нам в общем-то и не рад, то есть мы пришли на чужую свадьбу или на чужие похороны, мы дарим подарок или произносим речь, но нас видеть не хотят. А вот ответ на вопрос, по-

чему нас видеть не хотят, очень прост с точки зрения цивилизационного подхода. Мы – другая цивилизация. Это болезненное утверждение, но, на мой взгляд, это утверждение, с которого вообще надо начинать размышления о России. Если мы это утверждение приняли, дальше мы должны ответить себе на вопрос, какая эта другая цивилизация. То есть какие критерии у нашей цивилизации, в чем ее специфика.

Можно выделить несколько осей надлома, говоря о русской цивилизации. Можно выделить диалектику леса и степи, как это делал Гумилёв, а до Гумилёва это делали Вернадский – евразийский географ, Савицкий, а я, как руководитель ЕСМ, не могу испытывать тепло к этим мыслителям, так вот, они говорили о том, что география очень сильно влияет на нас и у нас есть очень понятное зонирование географических зон: либо сверху, с севера на юг, либо с востока на запад. Гумилёв это упаковывал в понятный тезис «диалектика леса и степи», хотя не только лесом и степью ограничена наша культура, но к каким выводам приходил Гумилёв? Что туранское степное кочевое начало выражено на поздних этапах тюрками, на раннем этапе индоевропейцами. Ну вот, эта великая евразийская степь была постоянной некоторой артерией, по которой носились, как кровеносные тельца, кочевые племена, сперва индоевропейцы, потом тюрки, в частности монголы. Все мы помним монгольские завоевания. Понимаем значение этих завоеваний, как положительное, так и отрицательное безусловно. И вот существовало это столкновение кочевого начала, тюркского, прежде индоевропейского, степного начала с точки зрения пространства и уже оседлого лесного начала. Славяне, а ядро нашей цивилизации составляем мы, восточные славяне, они же русские, хотя под русскими можно понимать все этносы, проживающие в России, но это уже отдельный вопрос этносоциологии. Однако столкновение оседлого и кочевого начал и задавало диалектику русской истории, оно и сформировало особый тип субъектности, вот к чему мы подходим. На это же указывал еще до Гумилёва евразиец Никитин. Он говорил о сочетании в русском человеке иранского индивидуализма и туранской дисциплины, то есть в одном человеке сочетаются как буйное начало, которое связано с Тураном, так и жесточайшая внутренняя дисциплины. Некоторое государство-воинство. В чем было могущество Чингисхана? Каждый мальчик, каждый юноша, тем более мужчина мог держать лук, мог ездить на коне, и это была уже такая боевая единица. Но если мы посмотрим на XX век, то идея «народной войны», когда каждый, начиная с ребенка и кончая стариком или старухой, должен либо работать у станка, либо держать оружие – это ведь та же самая

идея государства-воина, мы ее пронесли. Это оказало на нас сильное влияние и более того, говоря о монголах, говоря уже о племенах Ивана Грозного, ведь на чем держалось могущество Московского царства, которое много раз оказывалось на волосок от гибели, у которого были значительные, серьезные соперники? Оно держалось на дисциплине, и вот это туранское воинское дисциплинарное начало в русском человеке есть, но есть и другое, есть иранское изнеженное, индивидуальное, обращенное вовнутрь глазами, вовнутрь себя, вовнутрь богатого внутреннего мира. Назвать его иранским в чистом виде или использовать его как метафору? Я бы предложил вынести этот вопрос за скобки, просто мы сошлемся на евразийца Никитина.

Теперь мы видим некоторый разлом, мы видим разлом внутри одной личности, то есть мы должны понять, как этот разлом функционирует. Теперь хорошо бы поговорить о самой личности как феномене. Здесь я бы сослался на работы евразийца Николая Сергеевича Трубецкого, князя, одного из основателей евразийства. Трубецкой говорил о том, что неплохо бы придумать такую науку, как персонология. То есть он в коротком эссе задал основы науке, которую лет через десять после него очень умный и последовательный немец превратил в фундаментальный труд. Трубецкой, поскольку ему и так хватало трудов, хватало занятий евразийством, хватало того, что он был лингвистом мирового значения, которым и остается, безусловно, одним из основателей структурной лингвистики, если мне не изменяет память, Трубецкой походя создал идею о науке персонологии, науке изучения личности. Что говорил Трубецкой? Он говорил о том, что личность множественна. То есть личностью может считаться отдельный человек, коллектив, минимальный – семья, затем община, народ, государство и цивилизация. Всё это личности.

То есть, возвращаясь к цивилизационному подходу, на арену истории выходят некоторые цивилизации-личности, которые между собой ведут некоторый диалог или некоторую вражду, некоторое взаимодействие, но каждая из них личность. При этом личность очень многосоставная, многоуровневая. И вместе с тем, что важно, нельзя один уровень, допустим человека, взять и вынуть из семьи, мы не получим личность, личность – это всегда совокупность некоего частного и коллективного, нельзя вынуть государство из цивилизации и сказать: «Ну вот, в русском государстве все хорошо, но, допустим, если бы оно немцами было заселено, было бы вообще замечательно, русские, они такие сложные – сложно им налоги платить, сложно им вовремя на работу вставать, сложно пары не просыпать, вот других сюда людей, так

бы зажили». Так нельзя, потому что именно такое государство сформировалось именно из таких людей. Я думаю, здесь идея понятна, нет смысла на ней акцентировать внимание. Однако, если мы перейдем на уровень личности как таковой, мы обнаружим у нее внутри некоторые подличности, субличности, или мы обнаружим некоторые маски, которые человек на себя надевает. В обществе он один, в коллективе он другой, третий. Вообще слово «личность» происходит от слова «личина» – некоторая маска. Поэтому мы должны признать, что как отдельный человек, так и отдельная цивилизация поворачиваются разными своими сторонами, в зависимости от того, с кем они взаимодействуют. Взаимодействуя с Китаем, мы одни, взаимодействуя с Европой, мы другие. Во всяком случае, Европе мы очень хотим понравиться, Китаю мы не очень хотим понравиться, нам вообще неинтересно в основном, что там происходит, хотя это большая ошибка. Но, так или иначе, у нас в личности, как в цивилизации, так и внутри каждого из нас, сочетаются различные пласты. Это можно назвать словом «шизофрения», но можно назвать словом «многополярность мыслей». Что я имею в виду? Я имею в виду, что человек не равен сам себе, и это нормально, то есть это нужно признать как некоторую данность и попытаться это описать.

Здесь можно сделать небольшой шаг в сторону, чтобы вернуться, следует посмотреть очень коротко, как, на основе чего развивалась русская цивилизация. Если мы возьмем момент возникновения государства, можем вспомнить, что там было четыре племени или пять: кривичи, чудь, меря, весь, воль. Два из них славянские, три из них финно-угорские, если мне не изменяет память. То есть в момент этногенеза здесь уже были славянская и неславянская примеси. И в дальнейшем, если мы увидим походы Святослава от Черного до Белого морей, увидим расширение на Восток и на Запад, мы должны с удивлением обнаружить, что не возникало (может быть, за редким исключением) кровавой резни, которую мы видим в Европе и в других местах. Почему? Потому что Россия в изначальном своем ядре несет в себе идею общины. Причем общины специфической, общины не кровнородственной, как это было у германцев, а общины земельной. В случае кровнородственной общины кто может считаться своим? Кто может считаться человеком? Своим и человеком может считаться только тот, кто из твоего племени, из твоего рода, за кого ты вышла замуж и кто взял тебя в жены, ну, возможно, за каким-то редким исключением, которое составляет статистическую погрешность. В случае земельной общины кто считается своим? Тот, кто занимается с тобой одним делом, тот, кто разделяет с тобой хлеб, пищу, труд, кров. И при этом не значит, что своего

вы обязаны шибко любить. Если мы обратимся к Андрею Платонову, к произведению «Чевенгур», там есть эпизод, когда оставшегося без родителей парня принимают в другую семью. Принимают его без особой любви, но его принимают, вот это важно. То есть здесь не стоит давать какие-то нравственные категории, категории эмоциональные, но мы должны признать, что земельная община – это община инклюзивная. Она в себя включала основные этносы, это и обеспечило, с моей точки зрения, успех русской цивилизации. Если мы от общины перейдем к человеку, русские люди инклюзивные, они достаточно открытые и достаточно легко в нашем коллективе стать своим, надо делать общее дело – это базовый принцип, который, как мне кажется, распространяется от Дальнего Востока и до Карпат. Сейчас, в связи с нынешними проблемами Украины, после Карпат можно поставить знак вопроса, безусловно. Но исторически примерно так и происходило, хотя чем более на Запад, чем ближе к Карпатам, тем больше индивидуальное начало преобладает над коллективным.

Теперь поставим такой вопрос. У нас есть личность, которая сочетает в себе некие две стороны – индивидуальную и коллективную. За счет чего объединяются эти две стороны? Они, с точки зрения славянофилов, объединяются за счет такого явления, как соборность. Как понимали славянофилы соборность? Они понимали это как некоторое особое решение или способность достигнуть особого решения, которое основано на добровольном согласии личности. Это важно, здесь должна быть добровольность и вместе с тем коллективность. То есть соборность можно считать некоторым качеством, которое является цементом, связывающим разные стороны русского человека или русской цивилизации, масштабируя от малого до большого. Именно соборность и обеспечивает нашу устойчивость как качество. Причем славянофилы выделяли здесь именно общую веру. С этим можно согласиться, но, мне кажется, общее дело здесь стоит несколько выше, потому что бывали в нашей истории периоды, когда вера была необщей или вера вообще как явление была нежелательной, если не сказать под запретом. Но, однако же, цивилизация существовала и достигала вершин. Поэтому я бы выделил общее дело. К слову сказать, понятие соборности вносит славянофил Хомяков, и здесь важно, что, когда мы говорим слово «соборность», нам хочется напрямую обратиться к церковной догматике. Здесь надо указать на нюанс, который вносит Хомяков, что в символе веры соборная церковь обозначает не общинность, но вселенскость, кафоличность. А славянофилы ввели принципиально новое понятие в осмыслении нашего общества, и, по сути, в этом заключается одна из их заслуг.

Далее, если мы посмотрим на следующие линии разлома, который у нас есть, и эти линии разлома тоже в рамках одной личности, это диалектика государства и народа, земли и государства. На это указывал славянофил Константин Аксаков, и надо сказать, что если мы посмотрим на историю, то мы действительно увидим некоторые сложные взаимоотношения между народом и государством, очень сложные, потому что народ всегда держит фигу в кармане по отношению к государству, государство всегда смотрит на народ как на нечто опасное, на нечто не до конца понятное, но с чем оно вынуждено действовать. В лучшие моменты истории, вспомним Московскую Русь, разница между государством и народом была минимальная, с точки зрения евразийцев, но она была. Возьмем более поздние периоды, даже не периоды, а события. Возьмем полет Гагарина в космос, Гагарин приземлился, и вот он на Красной площади, ему двери Кремля раскрыты, нет ни у кого ощущения, что сейчас будет покушение на Хрущева, после покушения на Кеннеди. Ни у кого, потому что в этот момент и мысли такой не может возникнуть. Такое поразительное единство народа и власти может возникнуть только вместе с поразительным крахом государства, в котором это произошло. Здесь тоже можно усмотреть некоторую диалектику, и надо подчеркнуть, что эта диалектика проходит не только на уровне больших личностей – общества, государства, земли и государства, но и на уровне каждого конкретного человека, то есть русскому человеку хочется и порядка, русскому человеку хочется и воли. И этот конфликт между порядком и волей как раз есть в русском человеке, и он снимается за счет общинности.

Теперь мы вернемся к названию темы – «Мир как субъект русской цивилизации». Когда мы говорим, мы скорее употребляем некоторое книжное понятие, так же как когда мы говорим о свободе. Допустим, «русские люди всегда были очень свободными» – так люди себя не называли, они себя называли «вольными». «Ой ты воля вольная – райское житье», если вспомним Блока, который это хорошо почувствовал. Также и община имела вполне специфическое название – «мир». «Всем миром». «На миру и смерть красна». Мир и является той ячейкой, которая обеспечивала устойчивость русской цивилизации на протяжении всей истории. Мир был очень тесно укоренен в общем деле, в общей земле, в родственных связях, безусловно, никто их не отрицает, но они были не первичными, в общей вере, там, где это было возможно, но и с иноверцами была возможность построить мир. Если мы посмотрим на Кремль, мы обнаружим, что ни над одной из башен нет ни креста, ни иконы и не было никогда. Это сделано не просто так, это сделано для

того, чтобы иноверческие делегации могли въезжать в Кремль, то есть чтобы и у православного народа не было вопросов, почему это под иконой едет какой-то мусульманин, и у тех, кто въезжает, не было вопросов. Это такая, в общем, мудрая политическая деталь, которая демонстрирует на государственном уровне черты мира: если нам надо делать с этими людьми общее дело, мы можем, соответственно, придумать какой-то ход. На уровне народа мы это обнаружим еще более ярко.

Так вот, мир и являлся, с моей точки зрения, субъектом русской истории. Мир строится на общем деле в первую очередь, мир заключает в себе как личное стремление к благу, к счастью, к достатку, так и вынужденное или осознанное стремление подчинить это некоторому общему порядку. Можно увидеть эту закономерность на любой работе, кажется, что у каждого сотрудника есть должностная инструкция в идеале. Он делает ровно свое дело, при этом, даже если дело общее, он хочет сделать свою часть и, условно говоря, пойти покурить, отдохнуть, выпить кофе, потому что свою работу сделал. Но неизбежно наступает такое время, когда надо сделать что-то вместе, говоря языком русским, «наступает аврал», и здесь отменяются должностные инструкции, здесь сходят на нет какие-то представления о личном, и люди начинают работать вместе; это нельзя делать постоянно, но это происходит даже до сих пор, в условиях, когда у нас разрушены связи, которые были крепкими еще 100–150 лет назад. Таким образом, мир является субъектом русской истории с русской цивилизацией. Соборность является качеством, которое обеспечивает устойчивость этого сложносоставленного мира в рамках государства и в рамках Земли. И Россия вместе с тем является цивилизацией, вот это тезис с которого мы начали и которым, пожалуй, мы закончим. И всё это – и мир, и государство, и цивилизация – являются разными уровнями личности, и, говоря о личности, мы должны подчеркнуть, что мы здесь отличаемся и от китайской цивилизации, потому что у них понятия личности нет, у них есть понятие семьи как субъекта: конечно, есть я, но это я, как субъект семьи, «надо держать лицо, чтобы не опозорить семью», у нас с этим гораздо проще. Но и обратившись на Запад, мы должны подчеркнуть, что у нас личность всегда ограничена, каким-то коллективным золотым обручем и без него нельзя и с ним тяжело, в этом и проявляется наша специфика. На этом я хотел бы остановиться и ответить на вопросы, которые могут быть заданы.

Ведущий: Евгений Андреевич, я благодарю вас за доклад – очень содержательный, интересный, разносторонний на самом деле. У нас

есть вопрос из чата, давайте по горячим следам попробуем на него ответить. Вопрос Анастасии Шишковой. Какие внутриличностные конфликты вы выделили бы внутри русской цивилизации? Как это отражается на формулировании и жизни русской идеи?

Евгений Балакин: Я, пожалуй, повторю то, что я уже говорил. Вот, допустим, конфликт между волей и порядком. Воля как понятие стихийное, порядок как понятие государственное. То есть без порядка нельзя ни в семье, ни где-то еще. Но и без воли жить неохота. Вот, допустим, русский человек сейчас находится в неестественных условиях. С одной стороны, с порядком есть проблемы вокруг, в голове, в сердцах, в умах. С другой стороны, и воли-то нет, мы живем в бетонных коробках. Квартира давит на меня, мне тут плохо, я отделен от ландшафта, от места развития, как говорили евразийцы, я страдаю. Это такой современный разлом, который влияет очень сильно на принятие решений, то есть мы не можем сосредоточиться. У нас возникает то, что называют «подавленной агрессией», и т. д. И почему русские люди так радостно идут на СВО, на войну? Потому что там, ну наконец-то, воля. Никто не говорит, что там плохо, но там вольно в каком-то смысле. Если в регулярных войсках, там, конечно, большие проблемы с волей, там дисциплина требуется – это не так весело. А вот те, кто поехали добровольцами, мне рассказывали, что там совсем весело, настолько весело, что страшно говорить об этом. Но это воля, и поэтому многие туда поехали, не все. Русского человека постепенно отучают от воли. Но какое-то здоровое начало говорит о том, что «дружище, тебе вот в этих офисах, в квартирках делать нечего». И то, что мы оказались в такой противоестественной ситуации, влияет на нашу психику, мы не можем свой потенциал раскрыть. Мы – люди широкого ландшафта, широких пространств, и когда государство это понимает и начинает не строить вот эти бетонные муравейники, а начинает творчески использовать потенциал русского народа, оно достигает высот. Сейчас, на мой взгляд, из-за разлада между государством и народом, которые друг друга не понимают, пытаются, но не получается, из-за этого и творческий потенциал государства не раскрыт, и творческий потенциал народа не раскрыт, вот это главная проблема.

Ведущий: Спасибо, надеюсь, Анастасия услышала ответ на свой вопрос. Можно я задам от себя немножко провокационный вопрос?

Евгений Балакин: Конечно.

Ведущий: Вопрос вам, как руководителю Евразийского союза молодежи. Мы уже упоминали здесь Александра Александровича Блока, у него есть известное стихотворение «Скифы».

«Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, –
С раскосыми и жадными глазами!»

И заканчивает он эти стихи так:

«В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз – на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!»

Вот – неужели варвары?

Евгений Балакин: Нет, здесь неправильная постановка вопроса. Надо подчеркнуть, что скифство являлось одним из течений, параллельных евразийству, оно ему предшествовало и оказывало влияние, в культурном плане – точно. Можем здесь вспомнить скифскую сюиту Прокофьева. Скифство – короткий период, но было очень популярным, таким могущественным течением. Однако о чем говорит Блок? Блок говорит о том, что есть некоторая цивилизация и варварство, обратите внимание. Есть варвары, а есть цивилизованные люди, там, на Западе, там же еще есть такая фраза «мясо белых братьев жарить», если я правильно помню. То есть есть те самые «белые братья». То есть что он берет с интеллектуальной точки зрения? Он берет диалектику цивилизации и варварства, на которой паразитировала европейская цивилизация очень много. Ну вот недавно, по-моему, Боррель говорил: «Европа – это сад, а нас окружают джунгли», – совсем недавно, месяц назад. То же самое – «мы – это рай небесный, а вокруг нас находятся всякие черти». Вот эту диалектику рая и чертей перенимает Блок, он ее просто переворачивает, он говорит: «Да, черти мы, мы в раю, но мы черти, и мы ваш рай будем штурмовать». В конце говорит: «Одумайтесь, ребята, пока не поздно, пока мы не начали штурм, одумайтесь». Но эта диалектика изначально абсолютно ложная. Само понятие Европы не так однозначно, как кажется.

Вот, допустим, евразийцы с точки зрения географии, истории, культуры, языка Европой называли то, что мы сейчас называем Западной

Европой. То есть Восточная Европа – это некоторый фронт между евразийской и европейской цивилизацией. А теперь возьмем понятие Азия, да? Что у нас включают в Азию? Индию, Китай, Японию и еще ряд областей. Сосредоточимся на Индии и Китае. Это две абсолютно разные цивилизации. У них есть общая граница, но, если мы посмотрим с точки зрения мысли, как исторически мысль китайская влияла на индийскую? Да почти никак. То есть, переходя эту границу, мысль резко трансформировалась и становилась уже необратимо китайской или необратимо индийской. Вот сама по себе диалектика Европы и Азии, то, с чего мы начали, – она абсолютно ложная, абсолютно европейская. И Блок эту инерцию принимает, он пытается ее перевернуть, сказать, что варварство – это хорошо, это мы, это правильно, а вот ваши цивилизации, мы вас сейчас будем жарить и уничтожать, и вот этот позыв в конце, «одумайтесь», как бы с некоторой надеждой сказан. Но они ведь не одумались, была Первая мировая, была и Вторая мировая, была холодная война. Они никогда не одумаются, потому что мы для них чужие. Это надо признать. Но если мы это признаем, как Блок признал, мы окажемся в ситуации трагедии. То есть мы и себя любим, и их любим. А мы должны понять, что себя мы любим в первую очередь, а остальных мы очень уважаем, они замечательные, но они другие. Если мы посмотрим с позиции цивилизационного подхода, то эту проблему снимем.

Ведущий: Спасибо! Получается, что если говорить о русской идее в евразийском ключе, то мы снимаем диалектику Европы и Азии, вне всяких сомнений, как вы сказали. Получается, что все равно этой русской идее как будто нужен какой-то оппонент из сада. Мы как бы из джунглей хотим смотреть на сад.

Евгений Балакин: Нет, если мы снимаем диалектику Европы и Азии. За счет чего мы ее снимаем? Не за счет того, что мы что-то отменяем, а мы вводим третье понятие – Евразия, то, что между Европой и Азией. Это особый мир, то есть диалектика усложняется на самом деле. И плюс понятие Азия мы разбиваем на различные цивилизации – индийскую, китайскую, кто-то, например Хантингтон, выделяет японскую цивилизацию отдельно. Это проблематично, у меня тут нет четкого ответа, но, если такой посыл сделал мыслитель, надо о нем подумать. То есть мы получаем очень сложную картину, диалектика усложняется. Но вместе с тем мы отказываемся от ложного противопоставления, то есть мы нашу интеллектуальную энергию перестаем тратить на то, что

бесплотно. И вот тогда мы какие-то вопросы можем решить. В этом мой главный посыл. Это не значит, что у нас нет общего с Европой, конечно есть, посмотрите на границу, посмотрите, сколько войн у нас было. Это надо признать, нельзя от этого отказаться, мы очень сильно аффицированы западной цивилизацией, но мы должны правильно расставить ударения. А ударения таковы – есть Европа, есть Евразия, есть Азия, которая состоит из нескольких цивилизаций, есть Африка, которая из нескольких или из одной, наверное из нескольких, есть Северная и Южная Америка и т. д. Такая картина намного более плодотворная, но она и более ответственная, она более сложная, поскольку она требует понимания. Вот теперь переходим к русской идее, вы озвучили этот тезис. В чем здесь может быть русская идея? Я думаю, что мы можем апеллировать к Достоевскому, всечеловечности. Но здесь важно сделать поправку, понять, в каких условиях находился Достоевский. А в условиях он находился не в лучших, чем Блок, то есть это деление на Запад и Восток, на Европу и Азию у него тоже присутствовало. Более того, в дневниках у Достоевского есть такая фраза: «Был в Сибири, как хорошо, что я наконец-то вернулся в Россию», – то есть Сибирь тогда еще Россией не считалась, это тоже постепенный процесс ее освоения. Так вот, Достоевский, говоря о всечеловечности, безусловно, правильно говорит, что русскость стремится всё в себя вместить, но это «всё» было скорее туда, на Запад, а мы должны сказать: «Безусловно, да, но мы признаем и Иран и хотим его понять, мы признаем и Китай и хотим его понять, ну и далее по списку. Мы действительно хотим понять». У русского человека, у русской цивилизации есть, на мой взгляд, очень такая детская черта: ребенок подражает, различным птицам подражает, зверям подражает, подражает другим людям, и через это подражание он пытается их понять. Я считаю, что эта черта русского человека безусловная, здесь идея всечеловечности Достоевским угадана верно и осмыслена верно, но надо к ней добавить объем. Вот, именно цивилизационный подход плюс Достоевский, тогда мы получаем верный путь. Это не значит, что мы на все вопросы ответили. Но мы получаем вектор, по которому надо двигаться, если вы обратите внимание на символ Евразийского союза молодежи, Международного евразийского движения, там есть звезда восьмиконечная, которая направлена во все стороны, вот она об этом, о том, что мы хотим постичь весь мир с точки зрения идей, а не о том, что мы хотим его завоевать. Ну если придется, мы завоеваем, конечно, в нашем русском оружии мы не сомневаемся. Но смысла в том, чтобы завоевать мир, нет, а в том, чтобы понять, есть, вот к этому мы и призываем, в этом и есть русская идея.

Ведущий: Спасибо! Евгений, можно еще один провокационный вопрос? Вот вы сейчас такую очень интересную мысль провели по поводу подражания. Да, действительно, когда ребенок растет, он ведь растет через это подражание, и у вас в докладе это не раз было отражено, что человек, с одной стороны, конечно, индивидуальность, с другой стороны, он общественный, то есть он без общности никак не может и это действительно так, во время своего роста, он отражает поведение других людей, оно у нас сохраняется на всю жизнь. Вот, у меня в связи с этим вопрос, Федор Михайлович Достоевский говорил о всемирной отзывчивости как о такой важной черте русской идеи, характеристике русского духа. Всемирная отзывчивость, то есть мы готовы воспринимать все окружающее и выдавать свое. Так можно ли всемирную отзывчивость, да простит меня Федор Михайлович, назвать в определенном смысле этапом взросления русской нации, ну или идеи?

Евгений Балакин: Ну... можно ли? Я думаю, что да.

Ведущий: Вы бы так сказали или нет? Вы бы согласились с этим?

Евгений Балакин: Я бы над этим подумал. Вот если мы мыслим в рамках цивилизационного подхода, у него есть определенный критерий. Данилевский говорил о том, что цивилизация проходит различные стадии, то есть она зреет, потом дает плод и потом, соответственно, угасает. Причем зреет долго, прежде чем плод возникает, проходит достаточно много времени. Можно ли с этой точки зрения сказать, что этап подражания – это этап накопления некоторых сил? Наверное, можно, но мне кажется, мы должны чуть иначе на это взглянуть, потому что в русской истории есть такой феномен – движение через разрыв. У нас очень много раз происходили разрывы – между Киевской Русью, домонгольской и монгольской Русью, между раздробленностью и жесткой рукой Москвы, потом между Московской и Петровской Русью. Все эти расколы, они видны, они трагичны, болезненны, кровопролитны, жизни и территории мы теряли. Но после разрыва всегда следовал какой-то рост, возможно, что этот разрыв оказывает благотворное влияние. Возможно, здесь происходит такое кровопускание, которое как бы нас омолаживает, если мы так посмотрим на это, то тогда стадия подражания входит в цикл разрыва, то есть внутри этих подциклов (Московская, Киевская и так далее), внутри этих общественных циклов существует у каждого свой разрыв и свой момент подражания. Поэтому здесь можно говорить о некоторых закономерностях. То есть сначала в рамках одного периода мы проходим

переустановление, подражание, что-то даем, потом угасаем, происходит разрыв, потом опять становление. И если заключить в эту последовательность, то мне кажется, что картина будет более объемной. Это не противоречит тому, что вы говорите, и снимает с нас необходимость говорить о том, когда же будет конец русской цивилизации. Разные люди пытались по-разному ответить, Гумилев говорил, что это 1200 лет, кто-то отвечал иначе. Мне кажется, что у цивилизаций разных разный конец, и Россия омолаживается через этот разрыв. Но те люди, которые потеряли своих близких, те правители, которые потеряли свои земли, свои царства, они, наверное, не согласились бы со мной. Но они и не обязаны. Я так на это смотрю.

Ведущий: Хорошо. Очень интересная точка зрения. Спасибо. Еще у нас вопрос из чата. Николай Чумаков спрашивает следующее: «Почему Вы думаете, что в будущем возможно объединение в евразийском пространстве?»

Евгений Балакин: Хороший вопрос. Я исхожу здесь из утверждения «география – это приговор» или, если угодно, «география – это судьба». Если мы посмотрим на евразийское пространство, оно объединялось не потому что (объединялось, понятно, монголами, но мы сейчас говорим о русских, о славянах) очень хотели куда-то идти и т. д. Но, с одной стороны, мы были вынуждены бежать от власти, ну потому что власть постоянно гайки закручивала, а на Востоке вроде как и вольно, с другой стороны, у нас со всех сторон веют ветры, только разве что на нас медведи не нападали полярные, хотя Антанта высаживалась у нас севере, эти границы надо было оборонять. Так вот, путем и задачей обороны границ, поскольку естественных границ у нас нет, она вынуждала делать эти засечные черты, двигаться постоянно дальше и дальше, в Азию, на Восток, на Запад, куда угодно. И именно поэтому объединение будет, если это не будет культурное объединение, если это не будет экономическое объединение, это будет военное. Не факт, кстати, что Россия проведет это объединение. Я сторонник того, чтобы она это провела, но, если честно глядеть на историю, мы не всегда были в авангарде. Мы в авангарде три-четыре столетия, но этот праздник жизни может и кончиться. Это очень серьезный вопрос. Если он кончится, то через какие-то столетия это пространство все равно соберется, потому что у него географически такая судьба, на мой взгляд. Будем ли это мы? Вопрос. Я за то, чтобы мы его собрали, желательно мирно, желательно в ближайшие десятилетия, но, как получится, одному Богу ведомо.

Ведущий: Спасибо большое. Давайте перейдем к трем вопросам. Они своеобразны, они с прицелом на будущее. Давайте представим, что мы можем оказаться в 2045 году. Первый вопрос: Какая философская концепция будет доминировать в России к 2045 году?

Евгений Балакин: Я могу сказать, чего бы мне хотелось. Мне бы хотелось, чтобы это было евразийство, конечно, но я приму на самом деле любой вариант, который будет основываться на цивилизационном подходе. Если он будет называться по-другому, но внутри цивилизационный подход, вполне приемлемо, можно говорить, если нет, то дотянем ли до 2045 года, есть вопросы.

Ведущий: Спасибо. Второй вопрос. Каково будет пространственное влияние русской философии к 2045 году?

Евгений Балакин: Что имеется в виду под пространственным влиянием?

Ведущий: На какие пространства в мире будет оказывать влияние русская мысль?

Евгений Балакин: Я бы хотел, чтобы на пространства оказывала, потому что русская мысль гармонизирует, и, пытаясь понять другого, мы и сами себя понимаем лучше, и нам будет проще договориться с другим, потому что такие огромные границы (я думаю, они будут больше к 2045 году) просто вынуждают договариваться, одной военной силой здесь не решишь, поэтому чем больше людей по миру будут знать русскую культуру, чем больше будут знать русских авторов, тем лучше. Но в первую очередь мы сами должны это знать.

Ведущий: Согласен с вами. И третий вопрос. Он не о будущем, он о вечности скорее, дай Бог вечности. Кто является носителем русской идеи?

Евгений Балакин: Хороший вопрос. Я думаю, носителем русской идеи является дух. У философа Гердера была такая фраза, которая предшествовала оформлению цивилизационного подхода у русских. Это только фраза, это не сама концепция, но фраза показательная. «Народы – это мысли Бога». Вот, мы одна из мыслей Бога, соответственно, субъектом является Бог, дух русский является субъектом.

Вот, если на это ответить более по-евразийски, субъектом является пространство, место развития, есть наше пространство, оно нас объединяет. Пространство и дух сложно разделить.

Ведущий: Хорошо. Спасибо. Давайте перейдем к пяти доводам. Попробуем сформулировать. Каков он, онтологический довод русской идеи? С вашей точки зрения, можно ли говорить о русской идее в рамках онтологии, языком онтологии?

Евгений Балакин: Я думаю, что можно говорить, но здесь важно понимать, что мы, русские, не так давно вошли в философию, нам требуется свой язык, в том числе свой философский язык. Допустим, понятие «мир» должно быть включено в онтологию, на мой взгляд, то есть мы не должны просто брать какую-то модель греческую или немецкую и пытаться туда встроиться, мы туда не влезем. Поэтому да, безусловно, с точки зрения онтологии, если онтология раздел философии, мы так должны сделать. Конечно, да, но нам требуются свои понятия. В том числе понятие «мир».

Ведущий: Что бы вы могли сказать о русской идее на языке онтологии, пусть даже на том, который вам кажется более правильным? Может, он еще не вошел в язык мировой философии?

Евгений Балакин: Ну мне кажется, я об этом и говорил. Я могу только повторить, во-первых, что Россия – это цивилизация, во-вторых, цивилизация построена на мире как на субъекте, и этот мир, в принципе, на философии, на идее общего дела, что важно. При этом чтобы мир функционировал, нам важно пространство, место развития, то, о чем говорят евразийцы. И проблема, которую я хотел бы выделить, мы неправильно пользуемся, мы неправильно живем на нашем пространстве – это большая проблема. Здесь я усилия онтологии отправил бы на исследования закономерности взаимодействия личности и пространства. Я думаю, это вопрос принципиальный.

Ведущий: То есть получается так, что русская идея в определенном смысле зависима от пространства?

Евгений Балакин: Да, безусловно. Мы можем обратить внимание, пример приведу, вот, например, евразийцы, это кто? Это белая эмиграция. Они уехали, рассуждали о России, искренно ее любили,

потом раскололись на левых и правых евразийцев. Левые пытались взаимодействовать с Советским Союзом, правые сказали, что не будут с ним никак взаимодействовать. Трубецкой был правый евразиец. Он уехал, написал множество трудов. А что он признал под конец жизни? Он признал, что его детям лучше попробовать стать европейцами, потому что туда не могут вернуться, здесь, может быть, проще ассимилироваться. То есть уже во втором поколении русские за рубежом перестают быть русскими.

Ведущий: Потому что отрываются от земли?

Евгений Балакин: Да, на мой взгляд, да. И притом я сейчас привел в пример одного из лучших представителей вообще русского народа за все время, то есть если даже такой человек трагически закончил, то что говорить о людях менее искушенных, менее волевых. Обратите внимание: русские не образуют диаспору, почти не образуют, в отличие от евреев, армян и т. д. Поэтому земля, конечно, очень сильно на нас влияет.

Ведущий: То есть получается такое материалистическое измерение русской идеи?

Евгений Балакин: Ну смотрите, если мы разделим философию на идеализм и материализм, то, пожалуй, так, но это, на мой взгляд, ложное деление. Посмотрим с христианской точки зрения. Вспомним, что такое рай. Рай – это не некое облачко, на котором мы пребывали. Рай был на земле и рай ушел с земли, то есть земля лишилась какого-то измерения важного райского. И не сразу лишилась, а постепенно. Первые цари, Давид, уж тем более Адам, они жили очень долго, если мы вспомним, Адам почти тысячу лет жил, то есть это райское измерение в нем оставалось, но постепенно оно уходит-уходит-уходит, и постепенно земля становится материальной в том смысле, в котором вы сказали, но так было не всегда, а для русского человека этого не было почти никогда. Мы всегда к земле относились как к священному. Назовите это священный материализм или магический материализм, но измерение священного обязательно должно здесь быть, когда русские говорят о земле. Более того, даже когда русские говорят о машинах, в этом есть что-то, обратите внимание на Андрея Платонова, на «Чевенгур», машины страдают от того, что им туго затянули болт. Платонов в рассказе под названием «Смерти нет», когда он описывает танки, уничтожающие людей, он говорит, что это не танк хочет, это злая воля человека его

Евгений Андреевич Балакин

направила, потому что танк ведь создан наукой, а наука ведь сделана для того, чтобы людям лучше жилось. Это абсолютно другое отношение к самым грубым вещам, не такое, как где бы то ни было еще. Поэтому мы, конечно, связаны с пространством, с землей, но здесь всегда есть священное измерение. Я хотел бы вернуться к началу. В начале мы поставили проблему, сперва произнесли похвалу собору, а потом поставили вопрос. Можем ли мы здесь достичь каких-то общих, единых оснований? И я не знаю, честно сказать. Хорошо, что мы пытаемся, но для меня было важно осветить, почему это так сложно. Вот если мы поймем, почему это так сложно, мы окажемся в гораздо более выигрышной позиции, и если авторам, руководителям, организаторам этого собора это удастся, низкий земной поклон.

Доклад 6. Вопросы об основании русской идеи

Эдуард Владиславович Бояков

Продюсер, театральный режиссёр, театральный педагог и общественный деятель. Создатель фестивалей «Золотая Маска», «Новая драма», «Традиция».

Говорить о русской идее, по моему мнению, можно и нужно. Попытавшись связать воедино несколько измерений говорения, несколько предметов, факторов, которые будут действительно работать только тогда, когда мы признаем единый и неделимый характер взаимодействия этих факторов.

Идея – это не просто некая декларация, не просто текст, не просто слова. Слова и идея различаются приблизительно так же, как литература и логос. Мы привыкли говорить о логоцентричности нашей культуры, но мы все понимаем разницу между логосом и литературой. Логос – более широкое, глубокое, многогранное измерение. Об этом хочется сказать. Мое представление об идее связано с тем, что мы должны обеспечить матрицу, найти некий образ, характеристики, которые свойственны этой идее в ее многообразии. Я вижу четыре измерения.

Мне кажется, разговор о русской идее можно и нужно вести, отталкиваясь от символики четырех измерений, или Креста. Это достаточно близко к философии Кена Уилбера, американского современного философа, который лет тридцать назад сформулировал принципы интегральной философии, и мне кажется, матрица вот этих четырех квадратов, четырех областей хорошо нам ясна. Нам всем очень легко представить абсциссу и координаты, то есть это модель не обязательно религиозного православного Креста, достаточно представить, как мы в геометрии, в алгебре, в математике обозначаем двухосевую модель, где одна ось идет вверх, а другая идет в сторону. Соответственно, есть пространство минуса, это левая сторона, есть пространство вертикального верха, есть пространство движения вправо. Давайте попробуем вот от этой символики оттолкнуться, от этой методологии «уилберовской». А может быть, кому-то и не стоит даже обращать внимание на методоло-